

А. К. МАТВЕЕВ (Свердловск)

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ. VII

(Субстратные топонимы с формантом *-V-рма* на русском Севере)

20. *-ерма, -ерьма, орма* и т. п.

Названия с формантами *-ерма, -ерьма, -орма* и т. п. (обобщенно *-V-рма*), например, *Волощерма* (луг, Пин.), *Лягорма* (болото, Уст.), *Лопадерма* (луг, Он.), *Чухчерьма* (омут, Вин.), до сих пор не только не интерпретированы, но даже не выделены как особый топонимический тип. Между тем эта группа топонимов очень любопытна, а ее интерпретация во многих отношениях показательна.

Топонимы на *-V-рма* нельзя относить ни к количественно значительной группе трудных для истолкования гидронимов на *-V-ма* (*Андома, Кягрома*), от которых они легко отличимы уже по фонетической структуре форманта, ни к редким, но обычно этимологически прозрачным микротопонимам прибалтийско-финского происхождения на *-ма* (фин. *maa*, ливв., люд. *toa*, *tua*, вепс. *ta*, эст. *taa* 'земля') типа *Винохма* ('лодочное место' — название залива, ср. фин. *vene*¹, кар. *vene, veneh*, ливв. *veneh*, люд. *veneh*, вепс. *veñeh*, эст. *vene* 'лодка') и т. п.

Хотя не исключено, что в ряде случаев формант *-V-рма* возник из сочетания определяющего слова с исходом на вибрант (ср. фин. *teeri, tetri*, вепс. *tedr', tedr*, эст. *teder* 'тетерев') с детерминативом *-ма* 'земля', и сложения такого рода действительно существуют (ср. *Тетерьма*, луг. Нянд.), версия о том, что формант *-V-рма* всегда именно такого происхождения, должна быть отвергнута: микротопонимы на *-ма* 'земля' в местах распространения форманта *-V-рма* встречаются сравнительно редко, поэтому соотносительность этих формантов в большинстве случаев маловероятна (*-ма* 'земля' не может избирательно сочетаться преимущественно с основами на вибрант). На некоторых же территориях, например на юго-востоке Архангельской области в Виноградовском и Верхне-Тоемском районах, микротопонимы на *-V-ма* вообще не отмечены, тогда как названия на *-V-рма* обычны (*Маерма, Одерма, Падерма, Шудерма* и т. п.).

Картографирование позволило уточнить размещение названий с формантом *-V-рма*: наиболее значительная их группа — 10 названий — зафиксирована на юго-востоке Архангельской области между р. Устья и верховьями р. Пинеги, четыре названия — в верховьях р. Моши (правый приток Онеги), три — в низовьях р. Онеги, два — на крайнем северо-востоке Архангельской области.

Топонимы на *-V-рма* прилагаются к самым различным объектам: лугам, небольшим озерам, омутам, болотам и т. д., но редко выступают

¹ О соответствии прибалт.-фин. *e* ~ субстратному *y* см.: А. К. Матвеев. Некоторые вопросы адаптации ударных гласных в финно-угорских субстратных топонимах русского Севера. — СФУ VIII 1972, стр. 3—6.

в качестве названий рек. Есть только два изолированных гидронима: р. *Кјерма* (бассейн Сухоны) и р. *Угорма* (бассейн Кубены), однако территориальная обособленность и специфичность рода объекта не позволяют безоговорочно включить эти названия в рассматриваемый топонимический тип, хотя они могли возникнуть вследствие метонимического переноса наименования с нелинейного объекта на реку.

Если допустить, что формант *-V-рма* восходит к географическому термину, и сопоставить все топонимы с родом объекта, то на первый взгляд для искомого термина закономерно выводится семантика 'луг', так как чаще всего фиксируется именно этот род объекта. Однако такой вывод был бы слишком поспешным и, как мы покажем в дальнейшем, необоснованным. Против него прежде всего свидетельствует то обстоятельство, что в основе субстратных топонимов, функционирующих в севернорусских говорах и обозначающих сенокосные угодья, могут быть исходные апеллятивы с совершенно иным значением: 'берег' (*-ранда*, фин. *ranta*), 'мыс' (*-нема*, *-нем*, *-мень*, фин. *niemi*), 'залив' (*-лахта*, фин. *lahti*) и т. д. Вообще перенос по смежности часто очень затрудняет поиск исходного апеллятива и установление его семантики.

В рассматриваемом случае помогает прежде всего любопытная деталь: все без исключения названия на *-V-рма* прилагаются к объектам, находящимся на берегах рек, а также к небольшим озерам и омутам. Это наводит на мысль, что искомым географический термин относится к гидрографии.

Еще важнее, как часто бывает, результаты изучения заимствованной апеллятивной лексики. Восстановив постулируемый географический термин в виде **ерма* (*jerma*), поскольку варианты форманта *-ерма* и *-ерьма* встречаются чаще других, и обратившись к наиболее показательной юго-восточной части региона, сразу же найдем в топонимике компонент, фонетически чрезвычайно близкий форманту *-V-рма* и несомненно являющийся географическим термином: *Ярма* (луг, Уст.), *Гришина Ярма* (озеро, В-Т), *Мостовская Ярма* (луг, В-Т).

Аналог в апеллятивной лексике дает ответ на вопрос о значении термина. Слово *ярма* оказалось очень обычным в Верхне-Тоемском районе, где оно выступает в значениях 'омут', 'глубокое место в реке или озере', 'яма с водой (в лесу и т. п.)'. В тех же или близких значениях этот апеллятив засвидетельствован и в других районах Архангельской области: Холмогорском, Няндомском, Коношском, причем наряду с *ярма* отмечены деривативы *ярмина* (Конош., Нянд.), *ярмоня* (Холм.). Известны также варианты *яромина* (Конош.), *яромья* (Холм.).

Поиск оригинала не представляет трудностей, если обратиться к саамским и прибалтийско-финским данным, ср. саам. Нотозеро *jērem* 'омут, яма (в воде)', саамН *jārem* 'маленькое расширение в реке' и фин. диал. *järämä* (< саам.) 'небольшой порог; глубокое и тихое место между порогами или быстринами (*kuohu*)' (SKES I 132) или саам. Луле *jär'mē* 'маленькая лужа, озерко; омут, заводь ниже порога', саамН *jo'rbme*, Инари *jo'rmō*, Паатсйоки *jo'rm^a* 'hauta, järämä kosken alla' и фин. диал. *jurmi* (< саам.) 'глубокая яма в озере или реке' (SKES I 126).

Колебание вокализма *ярма* ~ *-ерма* невозможно связать с различиями между дорусскими языками или диалектами: во-первых, для одной территории такое параллельное заимствование сомнительно, во-вторых, *-ерма* не представлено в апеллятивной лексике (**ерма*)², а

² Трудно сказать, относятся ли сюда названия *Ермонья* (приток Волошки, Карг.), *Ермина* (перекат в реке Нижняя Тойма, В-Т), *Ермосский* (ручей в бассейне Онеги, Пл.), *Ерма* (речка, В-Т), *Ермаки* (приток Устья).

ярма — в качестве детерминатива (*-*ярма*). Почти невероятно, что функционирующие на одной территории фонетически близкие и семантически тождественные детерминативы и апеллятивы были заимствованы из разных диалектов. Поэтому надо думать, что колебание *ярма* ~ *-ерма* обусловлено уже русской адаптацией.

Более близким к первоисточнику надо считать *ярма*, поскольку в этом случае первый гласный находится в сильном положении (под ударением), тогда как в форманте *-ерма* соответствующий гласный выступает в слабой безударной позиции. Развитие *-*ярма* > *-ерма* в форманте можно объяснить тем, что в севернорусских говорах в заударных слогах *a* после мягкого может переходить в *e* (*вѣг'анул* > *вѣг'енул*)³. Что касается других более редких вариантов форманта (*-орма*, *-арма*, *-арима* и т. п.), то их возникновение обусловлено особенностями звукового состава основ конкретных топонимов, что весьма обычно при адаптации. Пожалуй, наиболее загадочно колебание *p* — *p'* (*-ерма* ~ *-ерьма*) в форманте, но и оно скорее всего связано с русской адаптацией, тем более что имеются параллельные формы (*Мѳстерма* ~ *Мѳстерьма*, *Шѳдерма* ~ *Шѳдерьма*).

Итак, с учетом всех данных для апеллятива, к которому восходит формант *-V-рма*, восстанавливаем исходное значение 'глубокое место, яма, омут в реке или в озере; яма с водой (вообще); озерко'. Разнообразие объектов, обозначаемых топонимами с формантом *-V-рма*, явно связано с переносом по смежности. Широкое распространение метонимии в этом случае легко объяснить, так как для дорусского населения особое значение имели охотничьи и рыболовецкие угодья (омуты, плесы, ямы, озерки), а для русских, интенсивно занимавшихся сельским хозяйством, смежные с этими угодьями луга.

Интерпретируя формант из прибалтийско-финско-саамских данных, можно попытаться, обратившись к основам, уточнить происхождение топонимов в целом. В некоторых случаях близость прибалтийско-финских и саамских источников не позволяет решить этот вопрос, ср. *Мáерма* (урочище, В-Т) и фин. *majava*, *majaa*, кар. *majoa*, ливв. *majaj*, люд. *majai*, вепс. *majag*, эст. *majajas*, *majaja* и саамН *maggjeg*, Инари *māijjuđ*, Нотозеро *māijij*, *māijj*, Кильдин *mājer*, Йоканьга *mājjeg* 'бобер' (SKES II 328). Однако есть примеры, которые свидетельствуют в пользу саамского происхождения рассматриваемого топонимического типа, ср. *Пáлдарима* (омут, Вин.) ~ саам. Паатсйоки *pěäđ^A*, Суоникюля *pěäđ^A*, Нотозеро *pialt*, Кильдин, Йоканьга *pealt*, саамН *bældo* 'поле' (Т. I. Itkonen, Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja I, Helsinki 1958, стр. 348). Если бы этот топоним был прибалтийско-финского происхождения, основа имела бы вид *Пелд-*, ср. ливв. *peldo*, *peldo*, люд. *reld*, *reldo* 'поле' (SKES III 516) и микротопонимы (бассейн Онеги) *Канзапелда*, *Пирзапелда* и др. Ср. еще *Чѳхчерьма* (омут, Вин.) ~ саам. Паатсйоки, Нотозеро *čuxč*. Кильдин *tšuxčš^(A)*, Имандра *tšuhčš*, саамН *čukč'a* 'глухарь' (Т. I. Itkonen, Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja I, стр. 683).

Таким образом, этимологизация основ подтверждает происхождение названий на *-V-рма* из языка «заволочских саами». При этом пока остается открытым вопрос, были ли это собственно саами, говорившие на особом диалекте, или какой-то близкий к саами, но все же специфический этнос.

Примечательно, что в двух случаях основы топонимов на *-V-рма* восходят к саамским словам, заимствованным из русского языка, что еще раз указывает на интенсивное взаимодействие русского языка с

³ Русская диалектология, Москва 1973, стр. 74.

местными наречиями в Заволожье. Таковы *Волощерма* (луг, Пин.) ~ саам. Суоникюля *vōlašt*, Йоканьга *viđlišt*; фин. *voolosti* < рус. *волость* (Т. I. Itkonen, Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja I, стр. 760) и *Мостерьма* (обрыв и пережат, В-Т) ~ саам. Паатсийоки *most*, Суоникюля, Нотозеро *mošt^A*, Йоканьга *miđāšt^A* < рус. *мост*, т. е. 'омут у моста' или 'Мостовой омут' (Т. I. Itkonen, Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja I, стр. 261).

Сокращения названий районов Архангельской области

Вин. — Виноградовский, **В-Т** — Верхне-Тоемский, **Карг.** — Каргопольский, **Нянд.** — Няндомский, **Он.** — Онежский, **Пин.** — Пинежский, **Пл.** — Плесецкий, **Уст.** — Устьянский, **Холм.** — Холмогорский.

А. К. MATVEJEV (Sverdlovsk)

TOPONYMIC ETYMOLOGIES. VII

The component -V-рма (-ерма, -ерьма, -орма, etc.) of some North Russian substratal toponyms (*Волощерма*, *Лягорма*, *Лопадерма*, *Чухчерьма*, etc.) comes from a Lapp language (dialect) of the Zavoločje. This component means 'pit; pool (in a river or a lake)'. It is kindred with the Lapp appellative *jērem* or *jořma* id.